

УДК 94(47).027"12"343.1(019)343.253

DOI: 10.17223/18572685/36/9

КАЗНЬ КНЯЗЕЙ ИГОРЕВИЧЕЙ В ГАЛИЧЕ: ПРАВОВОЙ И РИТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ СОБЫТИЯ

С.Б. Чебаненко

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
e-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

Авторское резюме

В начале XIII в. (1210 или 1211 гг.) в Галиче были убиты черниговские (северские) князья Игоревичи, некоторое время правившие в Верхнем и Среднем Поднестровье. Помимо различных внешне- и внутривполитических причин свержения и последующей казни Игоревичей, необходимо отдельно осветить жестокие репрессии в отношении местного боярства. Акт казни Игоревичей имел сложную структуру. Она была осуществлена в форме вечевой казни, в которой так или иначе принимало участие все население Галича. Начальный этап казни осуществлялся в традиционной для этого явления форме – волочении виновных через город, их побоях и поругании. Однако второй этап – собственно умерщвление – был реализован родственниками казненных Игоревичами бояр в присутствии жителей Галича. Князья были убиты действительно из мести. Сам способ умерщвления князей – их повешение на дереве – был основной формой расправы с убийцами со стороны мстителей (родственников убитых) и являлся правовым обычаем. Эта процедура имела ритуальное значение и восходила к языческой эпохе. Она рассматривалась как форма жертвоприношения, а дерево, на котором вешались тела убийц, являлось праобразом Мирового древа. Особое значение имело и удушение жертвы при повешении как способ, препятствующий нормальному выходу души из тела. Насколько эти языческие представления осознавались и претворялись в жизнь в начале XIII в. при использовании такого традиционного способа умерщвления убийц, сказать сложно.

Ключевые слова: Галич, Игоревичи, казнь, вече, кровная месть, повешение, правовой обычай, жертвоприношение.

**The execution of Igorevichi Princes in Galich:
juridical and rite aspects of the event**

S.B. Chebanenko

St. Petersburg State University
University Embankment, 7/9 St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

Abstract

In the beginning of the 13th century (1210 or 1211) Chernigov (Seversk) princes Igorevichi, who were ruling for some time in the Upper and Middle Podnestrovo'e, were murdered in Galich. Facts concerning the concluding stage of this dreadful event are of a special interest. Among different foreign and inner policy causes of the deposition and punishment of princes, one should mention savage repressions against native boyars, which became one of the main reasons of princes' death. The author strikes on the fact that the act of punishment had difficult structure. Firstly it was accomplished in the form of Veche's punishment where all Galich population took part. In the beginning princes were dragged through the whole town, beaten and abused – which was traditional form of Veche's punishments. But the second part of their execution – murdering – was realized by relatives of the boyars, who were killed by Igorevichi. Princes were really killed out of revenge, as it is mentioned in chronicle. The author mentions that even method of murdering – hanging on tree – is also important, because it was the main form of execution of murders from their vengers (relatives of those who were killed) and it was legal practice. The execution had its rite meaning and traced back to the pagan times. Hanging in pagan times concerned as a form of offering, and tree on which murders were hanged was a prototype of the world tree. Choking, which abstracted normal exit of soul from body, was also of a special meaning. And it is hard to say how these pagan ideas were recognized and reproduced in the 13th century, while using such a traditional form of murders' execution.

Keywords: Galich, Igorevichi, execution, veche, blood feud, hanging, legal practice, offerings.

После повторного вокняжения в землях Верхнего и Среднего Поднестровья северские князья Игоревичи (Владимир правил в Галиче, Святослав – в Перемышле, Роман – в Звенигороде) взяли курс на репрессивную политику по отношению к местному населению, прежде всего, к боярству. Многие бояре были казнены – «оубьено же бысть ихъ числом 500», другие «разбегашася», спасая свои жизни. Некоторые из спасшихся отправились в Венгрию ко двору короля Андрея (Эндре) II¹.

Беглецы, среди которых были и весьма влиятельные фигуры, находясь в Венгрии, склонили венгерского короля к военному вмешательству с целью поставления на галицкий стол Даниила Романовича, тогда ещё «детска соуца»². Военный поход, в котором, кроме венгерских отрядов, принимали участие силы краковско-сан-

домирского правителя Лешко Белого и некоторых русских князей, привел к смещению Игоревичей и пленению некоторых из них³. Галичане упросили венгров выдать им князей за выкуп и «повесили мести ради»⁴. Повешению предшествовали побои и поругание Игоревичей галичанами⁵.

В истории с расправой над князьями остается немало спорных и невыясненных моментов. До сих пор нет единства в датировке интересующих нас событий, помещенных в Ипатьевской летописи под 1208 г. Наиболее вероятными датами представляются 1210⁶ или 1211⁷ гг. Оценки исследователями самого факта казни князей Игоревичей и её обстоятельств также различны. Традиционно сторонники мнения об особой силе галицкого боярства рассматривают эти события как кульминационный момент в борьбе боярства с княжеской властью, как расправу бояр с попавшими в их руки князьями⁸. Имеются попытки взглянуть на этот сюжет с другой стороны. По словам Н.И. Костомарова, Игоревичи, «взятые в плен уграми, были выпрошены галичанами на свой суд и повешены (...) род княжеский не считался уже выше обыкновенных родов и жизнь их подлежала общему суду народному»⁹. Согласно П.Н. Мрочек-Дроздовскому, это пример того, что «целая община, народ могли мстить за своих членов»¹⁰. Т.В. Беликова пишет о «публичной казни» над князьями, доказывает ее общинный характер¹¹. Подробному анализу обстоятельств казни были подвергнуты в работе А.В. Майорова. В этих событиях он видит пример мести, приобретшей важное общественное значение, в силу чего она выражалась в форме казни через повешение. Это месть галицкой общины князьям. Казнь рассматривалась как жертвоприношение. Ей предшествовали битье и поругание, олицетворявшие ритуальное разоблачение, лишение княжеского достоинства. Все действия в целом осуществлялись в рамках народного суда и расправы над правителями¹². Мнение А.В. Майорова об осуществлении в Галиче акта кровной мести и о ритуальной сущности битья и поругания оспорил М.А. Несин¹³. В новейшей литературе убийство Игоревичей приводится в качестве примера реализации права кровной мести¹⁴.

Причиной враждебности к князьям, настолько сильной, что дело закончилось их казнью, было то, что Игоревичи пытались укрепить свою власть путем репрессий. К тому же и правили они плохо - «о уряде земнем не прилежаху»¹⁵. Больше всех досталось галицким боярам и рядовым галичанам, но пострадали и жители пригородов, как это следует из слов к перемышльцам боярина Владислава, вернувшегося с венгерским войском на Русь и убедившего жителей сдать город противникам Игоревичей¹⁶. Свою речь он адресовал не

только уцелевшим боярам, но и всем горожанам¹⁷. Злодеяния северских князей заключались в жестоких расправах над негодными, конфискации их имущества, насилии по отношению к женщинам¹⁸. Недовольство было направлено и «против сосредоточения управления волостью в руках ставших непопулярными северских князей с их дружинами»¹⁹. Всё это вызывало крайне сильное раздражение у значительной части местных жителей - как рядовых, так и представителей знати.

Хозяйничанье чужаков, сопровождаемое грабежами и насилием, было достаточной причиной для избавления от Игоревичей, но конкретной причиной жестокой расправы с ними были масштабные репрессии в отношении галицких лидеров, выражавшиеся в их физическом уничтожении.

Относительно того, какие же именно князья попали в руки галичан, источники дают различные сведения. Эта проблема специально была рассмотрена М.М. Волощуком, приведшим дополнительные аргументы в пользу того, что казнены были перемышльский и звенигородский князья²⁰. Мы присоединяемся к мнению исследователей, полагающих, что в руки галичан попали два князя – Роман и Святослав²¹. Владимир сумел спастись, а Ростислава, один раз неожиданно упомянутого в летописи, не существовало²². Итак, главный виновник князь Владимир бежал; спасся и его сын, но остались его братья, Роман и Святослав, виновные немногим меньше его. В отношении их на первое место выступает воздаяние за злодеяния в отношении галичан всех трех Игоревичей, в том числе и спасшегося Владимира.

Перейдем к обстоятельствам самой казни. Необходимо выяснить, как при этом соотносились роль бояр и роль всей галицкой общины, что поможет уточнить важные детали этого события. Распространенная точка зрения, что в расправе участвовали одни только бояре²³, не находит подтверждения. Основания для недовольства Игоревичами имели все галичане, о чем писалось выше. Так, в Ипатьевской и Воскресенской летописях говорится, что князей выкупали и вешали «галичане»²⁴. Более того, Галицко-Волынская летопись, известная своим пристрастным отношением к боярам, когда идет о них речь, специально их выделяет – «бояре Володимерьстии и Галичкьи», а инициаторами казни названы именно «галичане»²⁵. Таким образом, деятельность бояр затмевается активностью всей общины²⁶. Активность всех галичан подтверждается и имеющимися у нас описаниями казни. При этом, как мы постараемся показать ниже, на заключительном этапе этого драматического события бояре выходят на первый план²⁷.

Нельзя не согласиться с теми исследователями, которые полагают, что князья были приговорены к казни вечевым судом²⁸. Провинности Игоревичей были всем хорошо известны, и по общему согласию они были приговорены к вечевой казни. Эта была именно казнь, а не убийство, поскольку одним из важнейших признаков казни²⁹ является её санкционирование органами власти, к каковым в Древней Руси относилось и вече.

Вечевая казнь довольно четко делится на два этапа: общественное наказание, в котором так или иначе принимало участие все население Галича, и собственно мщение, которое было осуществлено родственниками казненных Игоревичами бояр, но в присутствии остальных галичан. Согласно Воскресенской летописи, галичане «бывше их [князей. – С. Ч.], повешаша их»³⁰. В.Н. Татищев описывает эти события так: «Биша и ругаху их со женами и детьми, напоследу повесиша пред градом»³¹. Убиению Игоревичей предшествовало проведение их через город (ведь князья, надо думать, содержались в нем), сопровождаемое битьем и руганью, – так можно понять слова В.Н. Татищева. Примеры проведения виновных через город при общинной казни довольно многочисленны³².

Это обычная картина вечевых казней в Древней Руси. Значение различных манипуляций с жертвами общинных казней было подробно раскрыто в предшествующей литературе, и нам остается лишь согласиться с выводами исследователей, что все эти действия имели то или иное ритуальное значение³³. Битье и ругань находят аналогию в других примерах общественного наказания (казни)³⁴, и означают они то же самое – непосредственное участие всей общины (в том числе женщин и детей – Игоревичей «биша и ругаху их со женами и детьми»³⁵) в казни. Обычным элементом вечевой казни, родственной «поток и разграблению» Русской Правды, было коллективное разграбление и последующее распределение имущества виновных. Так галичане поступили и с имуществом свергнутых князей и их сторонников³⁶.

Вывод наказуемых (или вынос их тел) за пределы города (поселения) или центральной его части, сопровождаемый побоями и руганью, символизирует выведение за пределы данного мира, общины крайне опасных и вредных для всего общества людей³⁷. За пределами города, «пред градом»³⁸ Игоревичи и встретили свою смерть.

Князей ждала специальная казнь, и только поэтому они не были забиты толпой насмерть. Последнее, насколько можно судить, было нередкой участью виновных при вечевых казнях. Именно так окончили свою жизнь многие сторонники самих Игоревичей, оказавшиеся в руках галичан: «дружину и лестцев, (...) избиша»³⁹. В некоторых

случаях осужденных вечевым судом ожидали особые «квалифицированные» способы казни⁴⁰. С похожей ситуацией мы сталкиваемся и в Галиче.

После вывода Игоревичей за пределы «града» начинается второй этап вечаевой казни, где на первый план выходят уже бояре, чьи родственники пострадали от действий северских князей. Но, насколько можно судить, при умерщвлении Игоревичей находились всё те же галичане, которые присутствовали при предыдущих экзекуциях. Князей «повесили мести ради»⁴¹. Слова о мести вовсе не случайны. Игоревичи были убиты, кроме прочего, ещё и из мести, которую имеет в виду Русская Правда⁴². Вместе с князьями, по-видимому, были казнены и их жены⁴³. Вряд ли они были замешаны в расправах с боярством, скорее они стали жертвами и чувства мести, и обычаев мести, допускаявших несение коллективной ответственности за проступки родственников⁴⁴.

Несмотря на прямые указания источников на то, что князья были убиты из мести, этой детали исследователи уделяют мало внимания. Казнь Игоревичей в большинстве случаев не считают осуществлением юридического обычая, реализацией нормы права. Мщение князю представляется чем-то необычным (с чем, в общем-то, можно согласиться). Возможно, это происходит также в силу убежденности многих исследователей в том, что кровная месть к началу XIII в., после её «отмены» во второй половине XI в., прекращает свое действие⁴⁵. Однако, во-первых, законодательная отмена какого-либо явления не означает фактического прекращения его действия. В той же Юго-Западной Руси в последующие столетия отмечается вполне благополучное существование этого обычая, мстители могли воспользоваться правом на убийство и пользовались им⁴⁶. Во-вторых, есть достаточные основания полагать, что «отмена» мести Ярославичами не увенчалась успехом, а право на месть признавалось и после неудачной реформы на законодательном уровне⁴⁷. Обычай мести к XIII в. всё ещё был широко распространен и признавался официальным законодательством⁴⁸.

Роль галицкого боярства в расправе над Игоревичами проявляется в выборе способа их убийства. Для их умерщвления был выбран тот способ, какой обычно применялся родственниками жертв при расправе с их убийцами. О том, что князья были казнены как преступники, прямо говорил Всеволод Чермный: «Брата моя есте 2 князя повесили вы в Галиче, яко злодея»⁴⁹, и под «злодеем» здесь следует понимать именно преступника-убийцу.

Повешение убийц было одним из наиболее распространенных, если не основных, способов приведения в исполнение кровной ме-

сти в Древней Руси⁵⁰. Способ расправы с убийцей при мести иногда становился предметом специального рассмотрения. Можно назвать П.Н. Мрочек-Дроздовского, указавшего на сходство мщения волхвам в 1071 г. и князьям Игоревичам в 1211 г.⁵¹, Н.Н. Воронина, исследовавшего события 1071 г. и уделившего пристальное внимание манипуляциям с телами волхвов, которые он связывает с обычаем кровной мести, не делая, впрочем, обобщающих выводов⁵². И.А. Малиновский, уделяя этому вопросу особое внимание, писал о разнообразии в применении способов казни⁵³. К этой точке зрения присоединяются и некоторые современные исследователи⁵⁴. А.В. Майоров полагает, что в случаях, когда месть приобретала общественно важное значение, повешение становилось одним из её элементов⁵⁵.

В тех случаях, когда источники упоминают случаи мщения за убийство родственников (или сопоставимые злодеяния), нередко упоминается повешение (подвешивание тел) виновных. Под 1071 г. в «Повести временных лет» сообщается, что ростовцы, родственники убитых волхвами «лучших жен», «поимше» волхвов, «убиша я и повесиша я на дубе»⁵⁶. Под 1097 г. там же рассказано о мщении князей Василька и Володаря Ростиславичей за ослепление Василька: братья «повесиша Василя и Лазаря и растреляша стрелами»⁵⁷. В поздних источниках говорится о мести за убийство Андрея Боголюбского: согласно одному из известий, виновных вешают и расстреливают стрелами⁵⁸. Все эти случаи названы мстью. Киево-Печерский патерик рассказывает о человеке, которому грозит смерть через повешение на дереве в случае его несостоятельности⁵⁹; подробности истории позволяют думать, что речь идет об убийце, не имевшем денег, чтобы откупиться от мести⁶⁰.

Казнь через повешение подразумевается в галицких событиях и в сообщении Киево-Печерского патерика. В известии под 1097 г. и рассказе о мщении за убийство Андрея Боголюбского говорится о повешении и расстреле виновных стрелами. Как нам представляется, эти два эпизода можно понимать так, что расстрелу подлежали уже подвешенные за шею тела, а подобная «избыточность» воздействия на виновных имела ритуальное значение⁶¹.

Мы не можем согласиться с А.В. Майоровым, что повешение применялась лишь при мести, имевшей общественно важное значение, и что такой вид казни не относится к случаям мести, предусматривавшимся в Русской Правде (частной мести)⁶². С одной стороны, действительно, примеры реализации мести, которые представлены в нарративных источниках, выходят за рамки мести частной, осложняясь иными мотивами, что наглядно показал А.В. Майоров, но с дру-

гой – случаи «обычной» мести практически не находят отражения в источниках. Так что сравнить месть, «приобретшую общественно важное значение», с «обычной» и выявить отличия в их реализации затруднительно. Далее, рассмотренные случаи позволяют усматривать наличие какой-то связи между мщением и повешением/подвешиванием преступника, и не обязательно эта связь возникает лишь в силу придания акции публичного, общественно важного значения, возможны и иные пересечения. К тому же мщение вообще в той или иной степени публично. Оно затрагивает интересы родственников и соседей обидчика и жертвы, привлекая внимание властей, а реализация мести совершается таким образом, чтобы было возможно оповестить о её свершении (об этом см. далее). Наконец, история, приведенная в Киево-Печерском патерике, показывает, что и при рядовых случаях отмщения преступников вешали. При этом весь, так сказать, пафос казни князей Игоревичей и заключается в том, что их повесили как заурядных убийц – «яко злодея», что и взволновало так Всеволода Чермного.

Ученые, говоря о связи древнего права с религиозными представлениями, в первую очередь обычно упоминают кровную месть как священное право и обязанность перед убитым, предками или боже-ствами. Как нам представляется, во многом эта связь раскрывается именно при рассмотрении самого способа убиения преступника.

Смерть посредством повешения воспринималась как смерть от удушения⁶³. У восточных славян известны и ритуальное удушение, и ритуальное повешение⁶⁴. Везде, где этому уделяется внимание, говорится именно об удушении: «Сама кончина представляется как отделение души от тела... Эти представления нашли свое выражение в таких обозначениях акта смерти, как пар (душа) вон, испустить дух, из-дох-нуть, с-дох-нуть»⁶⁵. В нашем случае мы имеем дело с неестественным способом смерти, когда «испускание духа» делается невозможным. Перетягивание веревкой шеи препятствует «испусканию духа» через органы дыхания и «нормальному» отпавлению души во вне, в загробный мир; дух, душа оказываются запертыми в мертвом теле и не могут его покинуть.

В тесной связи с удушением стоит и повешение (подвешивание) жертвы, и то, куда ее вешали. В двух из рассмотренных случаев однозначно говорится о повешении преступников или их тел на дереве (события под 1071 г. и сообщение Киево-Печерского патерика). При описаниях казни Василия и Лазаря поздние источники упоминают о дереве⁶⁶ и о виселице⁶⁷. В рассказе о мести за Андрея Боголюбского (в одном из его вариантов) упоминается о повешении на воротах⁶⁸.

Если верить этой подробности у В.Н. Татищева, то Игоревичи были повешены «пред градом», т. е., очевидно, не на воротах. Польские

источники указывают, что они были подвешены/повешены на специальном сооружении - дыбе⁶⁹ («in eculeo miserabiliter suspendit»⁷⁰, «in eculeo interimit»⁷¹). Имеется в виду не казнь через повешение (удушение) на дыбе, а использование дыбы как пыточного инструмента (в «Каталоге краковских епископов»: «in eculeo miserabiliter suspendit» - «на дыбе мучительно подвесили»). Вряд ли можно доверять этим сведениям. Эта деталь не подтверждается русскими источниками. Нет сведений об использовании в это время на Руси такой дыбы. Кроме того, польские источники доносят довольно искаженную информацию о галицких делах⁷².

Полагаем, что повешение Игоревичей происходило не на каких-то специальных сооружениях, виселице, а на дереве (или деревьях). Во-первых, об использовании виселиц в древнерусский период нам ничего не известно⁷³. Во-вторых, предполагать, что князья были повешены именно на дереве (деревьях), позволяют нам схожие примеры, которые были приведены выше. В-третьих, особая роль деревьев в обрядовой и культовой жизни славян заставляет рассматривать их в качестве наиболее вероятного «инструмента» для повешения⁷⁴.

Жертву надо было как-то переправить в «иной мир»: «На уровне обрядовых действий это выглядит как отправление жертвы вверх или (реже) вниз. Для достижения первого случая характерны такие действия, как подвешивание жертвы к дереву»⁷⁵. У восточных славян долгое время был широко распространен обычай подвешивать на деревья различные предметы в качестве жертвы⁷⁶. Но нас интересуют человеческие жертвы, а идея Мирового дерева отчетливо проявляется в представлениях о перевоплощении душ, в связи с иными мирами, с культом предков⁷⁷.

Повешение/подвешивание при осуществлении мщения являлось формой жертвоприношения⁷⁸. Долгое время существовал взгляд, согласно которому любое преступление является нарушением вселенской гармонии или равновесия, нарушающим не только социальный порядок, но и затрагивающим сферу природы⁷⁹. Восстановить нарушенное равновесие можно было посредством принесения виновных в жертву. Уже в древнейших мифопоэтических традициях жертва приурочивается к Мировому дереву (ср. висение на дереве Одина в скандинавской мифологии). Есть все основания считать, что в древнейшем индоевропейском праве наказываемого убийцу вешали также на дереве, последующим образом которого и является виселица. Подобное прослеживается на языковом материале древней Англии, у германцев, саксов и исландцев⁸⁰. То же самое прослеживается и у восточных славян.

Тело повешенного было подобно запертому сосуду, заключавшему в себе душу. Она, не имея возможности направиться в загробный мир и будучи «привязана» к телу на жертвенном дереве, должна была отправиться именно к тому, кому и предназначалась.

Игоревичи попали в руки народа в городе, но зачем их убивать за его пределами? Не исключено, что князей вывели за пределы города не только с целью символического избавления от враждебных существ, как полагает А.В. Майоров, но и с целью доставить во вполне определенное место. Возможно, что место, где повесили Игоревичей, было традиционным, таким, где подобные действия и необходимо осуществлять. Вспомним, что волхвов ростовцы убили не где попало, Ян Вышатич целенаправленно приводит волхвов и родственников убитых к священному дубу⁸¹.

Учитывая, что речь идет о жертвоприношении, можно предполагать, что жертву приносили в специально предназначенном для этого месте – святилище, одним из видов которых является священное дерево. Славяне-язычники приносили жертвы и молились священным рощам. В XII–XIII вв. отправление языческих культов на Руси происходило у источников, колодцев, болот, рек, озер, в рощах, полях и т. п., т. е. вне специально организованного пространства⁸², а это говорит об исключительной роли природных святилищ, к числу которых относятся деревья и рощи. Языческие святилища почти всегда располагались за пределами поселений⁸³. Возможно, казнь Игоревичей состоялась на месте бывшего языческого святилища⁸⁴.

О том, что в святилищах, помимо исключительно религиозных актов, могли совершаться и правовые, указывает свидетельство Гельмольда о западных славянах: «Здесь [в святилище] был и жрец, и свои празднества, и разные обряды жертвоприношения. Сюда каждый второй день имел обыкновение собираться весь народ с князьями и жрецом на суд»⁸⁵. Как видим, святилища весьма многофункциональны⁸⁶. Это их качество указывает еще на одну сторону отщепенности: играя немалую общественную роль, такое место часто посещалось; в то же время подвешивание или вывешивание есть «символическое оповещение о каком-либо событии, передача или демонстрация жертвы, оберега представителям "иного мира"»⁸⁷, а также представителям мира этого, т. е. повешение преступника в подобном месте оповещает как потусторонних жителей, так и земных о совершении мести.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание русских летописей (далее - ПСРЛ). Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 723-724.

2. Там же. Стб. 724.

3. Там же. Стб. 724-727.

4. Там же. Стб. 727.

5. ПСРЛ. Т. VII. Воскресенская летопись. М., 2001. С.117; *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 2 (вторая редакция). Главы 19-37 // Собрание сочинений: в 8 т. М., 1995. Т. 2-3. С. 186; *Его же.* История Российская Ч. 2 (первая редакция) // Собрание сочинений: в 8 т. М., 1995. Т. 4. С. 342.

6. *Włodarski B.* Polityka ruska Leszka Białego. Lwow, 1925. S. 44-45; *Волощук М.М.* Обстоятельства казни в 1210 г. Игоревичей Черниговских: актуальные вопросы реконструкции русско-венгерских отношений начала XIII в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2007. № 1-2. С. 105-112.

7. *Грушевський М.С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки наукового товариства ім. Шевченка (далее - ЗНТШ). Львів, 1901. Т. 41. С. 11, 62; *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. М., 1950. С. 198; *Майоров А. В.* Галицко-Волинская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 391 и след.; *Котляр Н.Ф.* Князь, бояре и вече в Галицко-Волинской Руси // Древнейшие государства Восточной Европы: 2004 год: Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 244-267. С. 260; *Его же.* Даниил, князь Галицкий. СПб., 2008. С. 103-105; *Dimnik M.* The Dynasty of Chernigov, 1146-1246. Cambridge, 2003. P. 270; *Головка О.* Корона Данила Галицкого: Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. К., 2006. С. 271-273; *Его же.* Галич і Галицькая земля у політиці князів при дніпровській та Північній Русі (кінець XII - кінець 30-х років XIII століття) // Княжа доба: історія і культура. 2011. № 5. С. 117-130. С. 124; *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna. Kraków, 2012. S. 72-73.

8. См., напр.: *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. С.198; *Dimnik M.* The Dynasty of Chernigov, 1146-1246. Cambridge, 2003. P. 275; *Котляр Н.Ф.* Князь, бояре и вече в Галицко-Волинской Руси // Древнейшие государства Восточной Европы: 2004 год: Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 260-261.

9. *Костомаров Н.И.* Черты народной южнорусской истории // Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 97.

10. *Мрочек-Дроздовский П.Н.* Исследования о Русской правде. Приложения ко 2 выпуску // Чтения Общества истории и древностей российских (далее - ЧОИДР). М., 1886. Кн. 1. С. 13.

11. *Белюкова Т.В.* Княжеская власть и боярство Юго-Западной Руси в XI - начале XII в. Канд. дисс. Л., 1990. С. 72, 74-75.

12. *Майоров А.В.* Галицко-Волинская Русь. С. 391-407.

13. *Несин М.А.* Галицкое вече и Даниил Галицкий в 1205-1229 гг. // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2011. № 2. С. 14-15.

14. *Чебаненко С.Б.* Некоторые замечания о ритуальном значении кровной мести в Древней Руси // Вестник Удмуртского университета. Серия: История. Ижевск, 2004. № 3; *Хачатрян А.В.* Проблема мести в древнерусском праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 1. С. 158.

15. *Татищев В.Н.* История Российская Ч. 2 (первая редакция). С. 342.

16. ПСРЛ. Т. II. Стб. 724.

17. *Несин М.А.* Галицкое вече и Даниил Галицкий в 1205-1229 гг. С. 12.

18. ПСРЛ. Т. II. Стб. 724.

19. *Беликова Т.В.* Княжеская власть... С.75.

20. *Волощук М.М.* Обстоятельства казни... С. 108-111. В этой же работе см. и обзор исследований, посвященных этой проблеме.

21. См. исследование О.Б. Гущина, который проанализировал многочисленные известия, касающиеся обстоятельств казни Игоревичей, и пришел к такому выводу. (*Гущин О.Б.* Вступ чернігівських Ольговичів у боротьбу за галицько-волинську спадщину: трагедія Игоревичів // Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції. Тези доповідей і повідомлень. Галич, 19-21 серпня 1993 р. Львів, 1993).

22. М. Димник считает Ростислава действительно существовавшим князем: он был сыном Романа Игоревича, не игравшим на фоне трех старших Игоревичей заметной политической роли и заслужившим отдельного внимания только в кризисной ситуации, когда он попал в руки галичан (*Dimnik M.* The Dynasty of Chernigov, 1146-1246. P. 274-275). Ср. мнение М.А. Несина, который также отказывал этому Ростиславу в политической самостоятельности, но считал его самым младшим из братьев Игоревичей (*Несин М.А.* Галицкое вече... С. 14-15).

23. Так полагал еще С.М. Соловьев (*Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. М., 1988. С. 568).

24. ПСРЛ Т. II. 727; ПСРЛ. Т.VII. С.117.

25. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 395.

26. ПСРЛ. Т. II. С. 726-727. По мнению Т.В. Беликовой, выкуп князей был под силу лишь всей общине (*Беликова Т.В.* Княжеская власть... С.75), с ней согласен А.В. Майоров (*Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 395-396). М.М. Волощук подсчитал, что эта сумма – 1000 гривен, о которой пишет В.Н. Татищев, была относительно небольшой для «финансовых возможностей боярства». Она была добыта из имущества Игоревичей, награбленного ими у репрессированных бояр (*Волощук М.М.* Обстоятельства казни... С. 109-111).

27. Мы не исключаем, что, помимо галичан и их бояр, к такому развитию событий могли приложить руку русские князья, «внуки Ростиславле», которых прямо обвиняют Всеволод Чермный (ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С.53; 251) или мать Даниила Романовича (см.: *Головка О.* Галич і Галицька земля ... С. 124-125);

- Несин М.А. Галицкое вече... С. 14-15; *Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi* (ок. 1201–1264). С. 74.
28. *Костомаров Н.И.* Черты народной южнорусской истории. С. 97; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 395-396, 401. См. также: *Беликова Т.В.* Княжеская власть и боярство. С. 72, 74-75;
29. *Жильцов С.В.* Смертная казнь в истории России. М., 2002. С. 24-27.
30. ПСРЛ. Т. VII. С. 117.
31. *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 2 (первая редакция). С. 342.
32. ПСРЛ. Т. II. Стб. 352-353; НПЛ. С. 23, 207-208; 26, 212; 38, 228-229; 67, 272; 69, 276; *Розанов С.П.* Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912. С. 10.
33. *Фроянов И.Я.* Мятужный Новгород: очерки государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 341-244, 246, 249, 253-256, 266-270, 277; *Его же.* Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы. СПб.; М., 1995. С. 290-295; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 396-400. См. также: *Лисюченко И.В.* Сакральность княжеской власти у восточных славян и ритуальные убийства правителей // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 122. С. 53-54.
34. ПСРЛ. Т. II. Стб. 352-353; ПСРЛ. Т. II. С. 26, 212; 67, 272-273; *Розанов С.П.* Жития преподобного Авраамия Смоленского... С. 10.
35. *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 2 (первая редакция). С. 342.
36. *Там же.* См. об этом подробнее: *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 400-401.
37. *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. С. 290-294; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 396-400.
38. *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 2 (первая редакция). С. 342.
39. *Там же.* См. также: ПСРЛ. Т. II. Стб. 352-353; ПСРЛ. Т. III. С. 23, 207-208; 26, 212; 32, 220; 35, 224; 38, 228-229; 41, 234; 54, 253; 67, 272-273; 69, 276; 70, 277-278; *Розанов С.П.* Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. С. 10; *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 2 (вторая редакция). Главы 19-37. С. 203-204; *Его же.* История Российская. Ч. 2 (первая редакция). С. 354.
40. *Розанов С.П.* Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. С. 10.
41. ПСРЛ. Т. II. Стб. 727.
42. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 397.
43. *Волощук М.М.* Обстоятельства... С. 108-110.
44. Ср. ст. 7 Пространной Правды о выдаче на «поток и разграбление» всей семьи убийцы, независимо от степени их вовлеченности в преступление (Правда Русская. Т. I. Тексты. М.; Л., 1941. С. 104-105).
45. См.: *Несин М.А.* Галицкое вече... С. 14-15.
46. См., напр.: *Инкин В.Ф.* Статьи Русской правды о мести в свете обычной практики галицких общинных судов (по актам XVI-XVIII вв.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1990. №1.
47. См. подробнее: *Чебаненко С.Б.* О связи остракизма и кровной мести в Древней Руси: «поток и разграбление» и «убиение за голову» //

Университетский историк. Альманах. СПб., 2005. Вып. 3. С. 5-14; *Его же*. Сказание о Григории-чудотворце и правовые реалии Древней Руси последней трети XI века (по данным Киево-Печерского патерика) // *Словянские обрії*: Вып. 1. Київ, 2006. С. 402-412.

48. Ст. 1 Пространной Правды / Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. I. С. 104.

49. ПСРЛ. Т. 3. С. 53, 251.

50. *Чебаненко С. Б.* Некоторые замечания...

51. *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Исследования о Русской Правде. Приложения ко 2 выпуску // ЧОИДР. М., 1886, Кн. 1. С. 13.

52. *Воронин Н. Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке // Краеведческие записки. Вып. 4. Ярославль, 1960. С. 42-43.

53. Ученый приводит самые разнообразные способы расправы, которые он находит в фольклорных источниках позднего происхождения. (*Малиновский И. А.* Кровавая месть и смертные казни. С. 35-42). Ср. также мнение старшего современника ученого, правоведа А. Ф. Кистяковского, который ранее также обмолвился о различных способах отомщения (*Кистяковский А. Ф.* Исследование о смертной казни. Тула, 2001. С. 78).

54. *Георгиевский Э. В.* Кровавая месть и смертная казнь у восточных славян // Сибирский юридический вестник. 2005. № 1. С. 44-45.

55. *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. С. 397-399. С. 40

56. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 175-178.

57. *Там же*. Стб. 268.

58. *Татищев В. Н.* История Российская. Ч. 2 (вторая редакция). Главы 19-37. С. 113; *Его же*. История Российская. Ч. 2 (первая редакция). С. 449.

59. Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 97-98, 119.

60. *Чебаненко С. Б.* Сказание о Григории Чудотворце...

61. Мы планируем подробно проанализировать эти эпизоды в рамках отдельных статей. См. мнение А. В. Майорова, основанное на данных В. Н. Татищева, что в 1097 г. виновных подвесили за ноги (*Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. С. 143-158).

62. *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. С. 397-398.

63. Причинами смерти при повешении в зависимости от разных условий могут стать асфиксия, нарушение кровообращения в мозге, остановка сердца, реже – разрыв спинного мозга (Судебная медицина / Под ред. Ю. И. Пиголкина. М., 2012. С. 264-265). Однако до проведения специальных исследований причин смерти при повешении таковой считалось прекращение возможности дыхания.

64. *Дьякон Лев.* История. М., 1988. С. 78; *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Ч. 2. С. 113-115; *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 398; *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда-Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. С. 143, 145.

65. *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993. С. 105.

66. *Софонович Ф.* Хроніка з літописців стародавніх. Київ, 1992. С. 80.

67. *Татищев В. Н.* История Российская. Ч. 2 (вторая редакция) // Татищев В. Н. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1995. Т. 2-3. С. 117. Упоминание

о виселице можно понимать как переосмысление человеком XVIII в. летописного сообщения о повешении в привычных ему категориях; в первой редакции «Истории» его нет.

68. *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 2 (первая редакция). С. 449.

69. *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в Польской истории Яна Длугоша (книги I-VI): текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 351.

70. *Katalogi biskupow krakowskich // Monumenta Poloniae Historica.* Т. 3. Lwow, 1878. С. 353.

71. *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в Польской истории Яна Длугоша. С. 191.

72. Там же. С. 445; *Волощук М.М.* Обстоятельства казни... С. 108-109.

73. Хотя упоминание об этом встречается в арабских источниках, относящихся к IX-X вв., не ясно, относится оно к скандинавам или славянам. (*Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Ч. 2. С. 113-115).

74. *Зеленин Д.К.* Тотемический культ деревьев у русских и у белорусов // Известия АН. VII серия. Отделение общественных наук. Л., 1933. № 8; *Его же.* Тотемы – деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.; Л., 1937; *Агапкина Т.А.* Дерево культовое, роща культовая // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999; *Усачева В.В.* Судьба благословенных и проклятых деревьев в традиционной культуре славян // Acta Linguistica Petropolitana. 2010. Т. VI. № 1.

75. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. С. 188-188.

76. *Агапкина Т.А.* Дерево культовое, роща культовая.

77. *Велецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 37-39.

78. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 398-399.

79. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Древнее славянское право: архаичные мифопоэтические основы и источник в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 22.

80. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* О языке древнего славянского права // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. М., 1978. С. 238–239.

81. Это было «не случайное место», а «традиционное» (*Воронин Н.Н.* Медвежий культ... С. 43)

82. *Седых В.Н.* Святые места, кумиры, храмы... // Святые места: археология ритуала и вопросы семантики материалы тематической научной конференции. СПб., 14-17 ноября 2000 г. С. 16.

83. *Русанова Н.П., Тимощук Б.А.* Языческие святилища древних славян. С. 8, 62-63.

84. Косвенным свидетельством осознания галичанами ритуального содержания казни может быть следующее: в святилище Богит, расположенном относительно недалеко от Галича, в это время наблюдалось оживление культовой деятельности, приносились человеческие жертвы, возникали новые культовые объекты (*Русанова И.П., Тимощук Б.А.* Языческие святилища древних славян. М., 1993. С. 93). Впрочем, вывод о том, что найденные человеческие кости являются жертвоприношением, был оспорен, а останки определены как христианские погребения. (*Петров Н.И.* Где стоял

Збручский идол?// Святонища: археология ритуала и вопросы семантики материалы тематической научной конференции. СПб., 14-17 ноября 2000 г. С. 99).

85. *Гельмольд*. Славянская хроника. М., 1965. С. 185.

86. *Агапкина Т.А., Топорков А.Л.* Материалы по славянскому язычеству (древнерусские свидетельства о почитании деревьев) // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 229.

87. *Афанасьева Н.Е.* Вывешивать, вывешивание // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С. 461.

References

Afanas'eva N.E. Vyveshivat', vyveshivanie [Hang out], in: Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary], Moscow, 1995, vol. 1 [In Russian].

Agapkina T.A., Levkiewa E.E. Vtykat' [Thrust in], in: Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary], Moscow, 1995, vol. 1 [In Russian].

Agapkina T.A. Derevo kul'tovoe, roshcha kul'tovaya [Rite tree, rite grove], in: Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary], vol. 2, Moscow, 1999 [In Russian].

Agapkina T.A., Toporkov A.L. Materialy po slavyanskomu yazychestvu (drevnerusskie svidel'stva o pochitanii derev'ev) [Materials on Slavic paganism (Old Russian evidences on trees' veneration)], in: Literatura Drevney Rusi. Istochnikovedenie [Literature of Old Russia. Source studies], Leningrad, 1988 [In Russian].

Bayburin A.K. Ritual v traditsionnoy kul'ture [The rite in the traditional culture], St. Petersburg, 1993 [In Russian].

Belikova T.V. Knyazheskaya vlast' i boyarstvo Yugo-Zapadnoy Rusi v XI - nachale XII v. Kand. diss [Prince's power and boyars in the South-Eastern Russia in the 11th – the beginning of the 12th centuries. PhD dissertation (History)], Leningrad, 1990 [In Russian].

Chebanenko S.B. Nekotorye zamechaniya o ritual'nom znachenii krovnoy mesti v Drevney Rusi [Some commentaries on the rite meaning of blood feud in Old Russia], Vestnik Udmurtskogo Universiteta, seriya: Istoriya, 2004, Nr 3 [In Russian].

Chebanenko S.B. O svyazi ostrakizma i krovnoy mesti v Drevney Rusi: «potok i razgrablenie» i «kubienie za golovu» [Towards the connection of ostracism and blood feud in the Old Russia: «potok i razgrablenie» and «kubienie za golovu»], Universitetskiy istorik, Al'manakh, 2005, Nr 3 [In Russian].

Chebanenko S.B. Skazanie o Grigorii-chudotvortse i pravovye realii Drevney Rusi posledney treti XI veka (po dannym Kievo-Pecherskogo paterika) [The tale about the Gregory the Wonderworker and judiciary realities of the Old Russia of the last third of the 11th century (By the materials of the Kiev-Pecherskiy pathericon)], Slov'yans'kiye obryi, 2006, Nr 1 [In Russian].

- Dimnik M.* The Dynasty of Chernigov, 1146-1246, Cambridge, 2003.
- D'yakon Lev.* Istoriya [History], Moscow, 1988 [In Russian].
- Gel'mol'd.* Slavyanskaya khronika [Slavic chronicle], Moscow, 1965 [In Russian].
- Georgievskiy E.V.* Krovnyaya mest' i smertnaya kazn' u vostochnykh slavyan [Eastern Slavs' blood feud and death penalty], Sibirskiy yuridicheskiy vestnik, 2005, Nr 1 [In Russian].
- Holovko O.* Halych i Halyts'kaya zemlya u politytsi knyaziv Prydniprovs'koy ta Pyvnychnoyi Rusi (kinets' XII - kinets' 30-kh rokiv XIII stolittya) [Galich and Galicia lands in politics of princes of Pridneprovskaya and Severskaya Rus' (the end of the 12th – end of the 1230-s)], Knyazha doba: istoriya i kul'tura, 2011, Nr 5 [In Russian].
- Hrushev'skiy M.S.* Khronolohiya podiy Halyts'ko-Volyn'skoyi litopysy [Galicia-Volhynian chronicle chronology], in Zapysky Naukovoho Tovarystva im. Shevchenka [Proceedings of the Shevchenko's learned society], Lwow, 1901, vol. 41 [In Ukrainian].
- Hushchyn O.* Vstup chernihiv'skykh Ol'hovychiv u borot'bu za halyt'ko-volyn'sku spadshchynu: trahediya lhorevychiv [Enlistment of Chernigov's princes in scramble for the Galicia-Volhynian estate: Igorevichi's tragedy], Halyts'ko-Volyn'ska derzhava: peredumovy vynyknennya, istoriya, kul'tura, tradytsii. Tezy dopovidey y povidomlen', Halych, 19-21 serpnya 1993 r. [Galicia-Volhynian state: terms of origin, history and culture, abstracts. Galich, 19-21 of August, 1993], Proceedings of the Conference. Lwow, 1993 [In Ukrainian].
- Inkin V.F.* Stat'i Russkoy Pravdy o mesti v svete obychnoy praktiki galitskikh obshchinnyykh sudov (po aktam XVI-XVIII vv.) [Articles of the Russkaya Pravda concerning vengeance in the light of common practice of the Galicia community justice (by the acts of the 17th – 18th centuries)], Vestnik Moskovskogo Universiteta, seriya 8, Istoriya, 1990, Nr 1 [In Russian].
- Ivanov V.V., Toporov V.N.* Drevnee slavyanskoe pravo: arkhaychnye mifopoeticheskie osnovy i istochniki v svete yazyka [Old Slavic justice: archaic mythopoetical origins and sources in the light of language], in: Formirovanie rannefeodal'nykh slavyanskikh narodnostey [Forming of the early feudal nationalities], Moscow, 1981 [In Russian].
- Ivanov V.V., Toporov V.N.* O yazyke drevnego slavyanskogo prava (k analizu neskol'kikh klyuchevykh terminov) [Towards the language of the Old Slavic justice (Towards the analyses of a few key terms)], in: Slavyanskoe yazykoznanie. VIII mezhdunarodnyy s'ezd slavistov [Slavic philology. VIII international Slavist's conference], Proceedings of the Conference, Moscow, 1978 [In Russian].
- Katalogi biskupov krakovskikh [Catalogues of Bishops of Prague], in: Monumenta Poloniae Historica, t. 3, Lwow, 1878 [In Polish].
- Khachatryan A.V.* Problema mesti v drevnerusskom prave [Problems of vengeance in the Old Russian justice], Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010, Nr 1 [In Russian].
- Kistyakovskiy A.* Issledovanie o smertnoy kazni [Study on a death penalty], Tula, 2001 [In Russian].
- Kostomarov N.I.* Istoricheskie proizvedeniya. Avtobiografiya [Studies on History. Autobiography], Kiev, 1989 [In Russian].

Kotlyar N. F. Daniil, knyaz' Galitskiy [Daniel Prince of Galich], St.Petersburg, 2008 [In Russian].

Kotlyar N. F. Knyaz', boyare i veche v Galitsko-Volynskoy Rusi [Prince, boyars and veche in Galicia-Volhinian Russia], in: Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy: 2004 god: Politicheskie instituty Drevney Rusi [Earliest states of the Eastern Europe. Political institutions of Old Russia], Moscow, 2006 [In Russian].

Kovalevskiy A.P. Kniga Akhmeda-Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921-922 gg. [The book of Ahmad Ibn Fadlan about his journey to Volga in 921-922], Khar'kov, 1956 [In Russian].

Lisyuchenko I.V. Sakral'nost' knyazheskoy vlasti u vostochnykh slavyan i ritual'nye ubiystva praviteley [Sacredness of princely power in the eastern Slavs and ritual murders rulers], Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy, 2009, Nr 122 [In Russian].

Malinovskiy A. Krovavaya mest' i smertnyya kazni [Blood feud and death penalty], Tomsk, 1908, vol. I [In Russian].

Mayorov A.V. Galitsko-Volynskaya Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskikh otnosheniy v domongol'skiy period. Knyaz', boyare i gorodskaya obshchina [Galicia-Volhinian Russia. Sketches on the social-political relations in the Premongolian period. Prince, boyars and town community], St.Petersburg, 2001 [In Russian].

Mrochek-Drozdovskiy P.N. Issledovaniya o Russkoy Pravde. Prilozheniya ko 2 – mu vypusku [Studies on the Russkaya Pravda. Appendices to the 2nd issue], Chteniya Obshchestva Istorii i Drevnostey Rossiyskikh, Moscow, 1886, Book 1 [In Russian].

Nesin M.A. Galitskoe veche i Daniil Galitskiy v 1205-1229 gg. [The Galician Assembly and Daniel the Galician in 1205-1229], Rusin, International historical magazine, red. S.G. Sulyak, 2011, Nr 2 (24) [In Russian].

Novosel'tsev A.P. Vostochnye istochniki o vostochnykh slavyanakh i Rusi VI-IX vv. [Eastern sources on the Eastern Slavs and Rus' of the 6th – 9th centuries], in: Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie [Old Russian state and its international importance], Moscow, 1965 [In Russian].

Pashuto V.T. Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi [Sketches on the Galicia-Volhinian Russia's history], Moscow, 1950 [In Russian].

Paterik Kievskogo Pecherskogo monastyrya [Patericon of the Kiev Pecherskiy monastery], St. Petersburg, 1911 [In Russian].

Petrov N.I. Gde stoyal Zbruchskiy idol? [Where the Zbruchinsk idol was setted?], in: Svyatilishcha: arkheologiya rituala i voprosy semantiki materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii, St. vPetersburg, 14-17 noyabrya 2000 g [Sanctuaries: archeology studies of rite and questions of the semantics. 14-17.11.2000], Proceedings of the Conference, St.Petersburg, 2000 [In Russian].

Polnoe sobranie russkikh letopisey. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Complete Collection of Russian Chronicles, vol. II., First chronicle of the Elder and Younger versions], Moscow, 2000 [In Russian].

Polnoe sobranie russkikh letopisey., t. I., Lavrent'evskaya letopis' [Complete Collection of Russian Chronicles, vol. I, Lavrent'ev chronicle], Moscow, 1998 [In Russian].

Polnoe sobranie russkikh letopisey, t. II, Ipat'evskaya letopis' [Complete Collection of Russian Chronicles, vol. II, Ipat'ev chronicle], Moscow, 1998 [In Russian].

Polnoe sobranie russkikh letopisey. Voskresenskaya letopis'; t. VII [Complete Collection of Russian Chronicles, vol. VII, Voskresensk chronicle], Moscow, 2001 [In Russian].

Pravda Russkaya [True Russian], Moscow; Leningrad, vol. I [In Russian].

Rozanov S.P. Zhitiya prepodobnogo Avraamiya Smolenskogo i sluzhby emu [Life of venerable Abraham of Smolensk and his prayers], St. Petersburg, 1912 [In Russian].

Rusanova I.P., Timoshchuk B.A. Yazycheskie svyatilishcha drevnikh slavyan [Pagan temples of the Old Slavs], Moscow, 1993 [In Russian].

Sedykh V.N. Svyatilishcha, kumiry, khramy. [Sanctuaries, idols, temples...], in: Svyatilishcha: arkheologiya rituala i voprosy semantiki materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii. SPb., 14-17 noyabrya 2000 g. [Sanctuaries: archeology studies of rite and questions of the semantics. Abstracts of thematic conference. St. Petersburg, 14-17.11.2000], St. Petersburg, 2000 [In Russian].

Shchaveleva N.Y. Drevnyaya Pus' v Pol'skoy ystoriy Yana Dluhosha (knyhy I-VI): Tekst, perevod, komentaryy [Old Russia in the Polish history of Jan Dugosh (books I - VI)], Moscow, 2004 [In Russian].

Sofonovych F. Khronika z litopystsiv starodavnikh [Extracts from old chronicles], Kiev, 1992 [In Ukrainian].

Solov'ev S.M. Sochineniya [Essays], book 1, Moscow, 1988 [In Russian].

Sudebnaya meditsina [Medical jurisprudence], ed. by Yu.I. Pigolkin, Moscow, 2012 [In Russian].

Tatyshchev V.N. Sobranie sochynenyy: v 8-my t. [Collected Works: in 8 volumes], Moscow, 1995, vol. 2-3; Moscow, 1995, vol. 4 [In Russian].

Usacheva V.V. Sud'ba blagoslovennykh i proklyatykh derev'ev v traditsionnoy kul'ture slavyan [Fate of blessed and damned trees in the traditional Slavic culture], Acta Linguistica Petropolitana, 2010, vol. VI., Nr 1 [In Russian].

Veletskaya N.N. Yazycheskaya simvolika slavyanskikh arkhaischikh ritualov [Pagan symbolism of Slavic archaic rites], Moscow, 1978 [In Russian].

Voloshchuk M.M. Obstoyatel'stva kazni v 1210 g. Iгореvichey Chernigovskikh: aktual'nye voprosy rekonstruktsii russko-vengerskikh otnosheniy nachala XIII v. [Instance of the Iгореvichis' of Chernigov execution in 1210: actual questions of Russian-Hungarian relations of the beginning of the 12th century reconstruction], Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2007, Nr 1-2 [In Russian].

Voronin N.N. Medvezhiy kul't v Verkhnem Povolzh'e v XI veke [Bear's cult in the Upper Povolzh'e in the 11th century], in: Kraevedcheskie zapiski [Local studies commentaries], vol. 4, Yaroslavl', 1960 [In Russian].

Włodarski B. Polityka ruska Leszka Bialego [Russian policy Lesco White], Lwow, 1925 [In Polish].

Zakhoder B.N. Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope [Caspian corpus concerning the Eastern Europe], Moscow, 1967 [In Russian].

Zelenin D.K. Totemicheskiy kul't derev'ev u russkikh i u belorusov [Totemic cult of trees of Russians and Belarusians], Izvestiya AN, VII seriya, Otdelenie obshchestvennykh nauk, 1933, Nr 8 [In Russian].

Zelenin D.K. Totemy – derev'ya v skazaniyakh i obryadakh evropeyskikh narodov [Totems – trees in stories and rites of European peoples], Moscow; Leningrad, 1937 [In Russian].

Чебаненко Сергей Борисович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Chebanenko Sergey – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Museology, Institute of History, St. Petersburg State University.

e-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

ЕДИНЬЙ КНИЖНЬЙ интернет-магазин

Первый тематический книжный магазин по истории Юго-Западной Руси. Высылаем каталог по почте и поможем с приобретением мелкооптовых партий книг.

В наличии:

- Ульянов Н. Происхождение украинского сепаратизма
- Русская Галиция и «мазепинцы»
- Сидоренко С. Украина - тоже Россия
- Чуев С. Украинский Легион
- Геровский Г. Язык Подкарпатской Руси
- Аристов Ф. Литературное развитие Подкарпатской Руси
- Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси
- Международный исторический журнал «Русин»

Совместный проект сайтов «Единая Русь» (www.edrus.org), «Украинские страницы» (www.ukrstor.com) и «Малорусской народной исторической библиотеки» (mnib.malorus.org).

Адрес магазина в Интернете: <http://magazin.malorus.org>
e_mail: magazin@malorus.org Тел.: +7 903 53 44 218